

ОТЛИЧИЕ КРАЖИ ОТ ГРАБЕЖА И РАЗБОЯ ПО УК СРВ

Правильное разграничение смежных составов преступлений имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение. В судебной практике нередко определенные затруднения вызывает отграничение кражи от таких, смежных с ним, составов преступлений, как грабеж и разбой.

Кража (ст. 132 и 155), грабеж (ст. 131 и 154) и разбой (ст. 129 и 151 УК СРВ) являются различными формами хищения социалистического или личного имущества. У них много общих черт во всех элементах состава преступления. Однако между кражей, грабежом и разбоем имеются существенные различия по ряду признаков. Отграничение кражи от грабежа и разбоя следует проводить путем анализа действий обвиняемых и установления признаков, характерных только для кражи.

Главным отличительным признаком кражи является тайный способ изъятия имущества. Для грабежа, наоборот, характерным признаком является открытый способ хищения социалистического или чужого личного имущества. Основное отличие кражи от разбоя состоит в том, что разбой всегда связан с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, он может совершаться как открытым, так и тайным способом.

В судебной практике встречаются случаи неправильного разграничения кражи и грабежа при рассмотрении случаев хищения государственного, общественного или личного имущества. Отграничение же кражи от разбоя относительно редко вызывает затруднения в судебной практике.

В УК СРВ (ст. 132 и 155) не дается определения понятия кражи, в то время как в УК Республики Беларусь (ст. 87 и 141) такое определение содержится. Законодатель СРВ исходит из того, что понятие кражи как тайного хищения имущества общезвестно. В отличие от грабежа и разбоя кража всегда является тайным, ненасильственным хищением имущества. Тайный или открытый способы хищения чужого имущества определяются сознанием и привычками виновного. Если похититель считал, что он действовал тайно, т. е. незаметно для потерпевшего и других лиц, то налицо кража. При этом не имеет значения тот факт, что за действиями похитителя кто-то незаметно для него мог наблюдать. При грабеже виновный действует открыто, его преступные действия заметны и понятны собственнику или лицам, владеющим имуществом или охраняющим его, а также посторонним людям. При этом виновный сознает, что факт хищения осознается окружающими или хотя бы одним из них.

В тех же случаях, когда лицо, совершающее хищение, не знает, что за его действиями наблюдают посторонние, ответственность должна наступать как за кражу, а не грабеж, поскольку решающее значение здесь имеет содержание умысла виновного.

Между кражей, грабежом и разбоем имеются различия и по объекту посягательства. Кража, грабеж и разбой посягают на социалистическую или личную собственность. Однако разбой посягает также на другие объекты, которые не являются объектами посягательства при грабеже и краже: здоровье и телесная неприкосновенность. Кража и грабеж считаются преступлениями, непосредственно посягающими на один объект — социалистическую или иную личную собственность, а разбой же посягает на ряд объектов: собственность, здоровье и телесную неприкосновенность личности.

По закону СРВ, кража и грабеж являются формами хищения чужого имущества без всякого насилия или без угрозы применения такого насилия. Разбой является формой хищения социалистического или личного имущества, осуществляемого насильственным путем, который ни грабежу, ни краже. Кража всегда совершается без насилия. Насилие как средство подавления воли потерпевшего или иных лиц к сопротивлению исключает состав кражи в действиях виноватого.

В процессе совершения кражи виновный может применить физическое насилие, направленное на отвлечение внимания потерпевшего, а не на то, чтобы парализовать его волю, либо для того, чтобы избежать задержания. Такое физическое воздействие не может считаться насилием, примененным с целью завладения имуществом. В этих случаях действия виновного будут квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 132 или п. «б» ч. 2 ст. 155 УК СРВ.

Разбой, в отличие от кражи, соединяет в себе два характерных признака: умышленное корыстное посягательство на чужое имущество и наличие насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или угрозы при-

нения такого насилия. Если в деянии обвиняемого отсутствует одно из указанных обстоятельств, то совершенное им деяние не может квалифицироваться как разбой. Завладение чужим имуществом при наличии указанных признаков всегда следует рассматривать как разбой, а не кражу. Поэтому в судебной практике относительно редко допускаются ошибки при разграничении кражи и разбоя.

Случаи неправильного разграничения кражи и разбоя при похищении социалистического или личного имущества отмечаются в тех случаях, когда действия виновного, содержащие первоначально признаки кражи, в дальнейшем, вследствие применения им насилия к потерпевшему, могут перерасти в разбой. Например, похититель тайно проник в помещение организации, открыл сейф и завладел деньгами. Застигнутый сторожем похититель не только оказал сопротивление, но и угрожал ему насильем, пытаясь унести похищенные деньги. Здесь кража переросла в разбой.

В судебно-следственной практике встречаются случаи, когда действия виновных, образующие состав разбоя, квалифицируются народными судами как совокупность преступлений против жизни и здоровья и грабежа (либо кражи). Показательными в этом отношении являются следующие примеры. Н. Д. Хунг проник в жилище знакомой с целью тайного хищения и стал собирать ее вещи. Неожиданно для него знакомая вошла в свою квартиру. Похититель нанес ей несколько ударов рукой по голове. Когда хозяйка квартиры упала на пол, похититель схватил ее вещи и скрылся¹. Действия похитителя в данном случае должны квалифицироваться как разбой, а не совокупность кражи и умышленного причинения телесного повреждения, как квалифицировал действия виновного суд.

Ошибки в квалификации действий подсудимых отдельными судами приводят к применению относительно мягких, не соответствующих степени общественной опасности деяния, мер наказания, что отрицательно отражается на перевоспитании преступников и предупреждении преступлений.

Нередко суды не учитывают всей совокупности действий обвиняемого и поэтому допускают ошибки при квалификации его действий. В этом отношении показателен такой пример. Т. В. Тан, катаясь на велосипеде, воспользовался обеденным перерывом в продовольственном магазине и тайно похитил мешок риса (50 кг). При задержании он оказал физическое сопротивление милиционеру². Действия обвиняемого в данном случае должны рассматриваться как совокупность кражи социалистического имущества (ст. 132 УК СРВ) и сопротивления работнику милиции (ст. 205 УК СРВ), а не разбой. Суд же осудил В. Т. Тана за разбой.

Насилие при разбое обычно носит открытый характер. Однако в судебной практике встречаются случаи, когда насилие применяется тайно. Например, В. М. Кам служил на корабле. Однажды перед обедом он бросил ядовитые травы в суп, приготовленный для экипажа. После обеда 11 человек из команды потеряли сознание. Кам забрал чужие деньги, золото, вещи и скрылся³. В данном случае действия обвиняемого угрожали жизни и здоровью людей. Суд правильно осудил В. М. Кама за разбой, так как яды причинили вред здоровью и даже могли вызвать смерть потерпевших. В данном случае применение яда является средством завладения чужим имуществом.

В отличие от кражи и грабежа, при разбое между применением насилия (или угрозы применения насилия) и завладением имуществом имеется всегда причинная связь. При отсутствии такой связи насилие, причиненное при изъятии чужого имущества, составляет признаки другого преступления, а не разбоя. Показателен в этом отношении такой пример. При попытке изнасилования девушки некто Н. Д. Кыонг обнаружил у нее изделия из золота. Сорвав эти изделия с потерпевшей, он тут же скрылся. Н. Д. Кыонг был осужден народным судом города Ханоя за разбой по ст. 151 УК СРВ⁴. В данном случае виновный должен нести ответственность за покушение на изнасилование и грабеж, поскольку открыто завладел вещами потерпевшей. Суд осудил его за разбой необоснованно. Между насилием и изъятием имущества в данном случае нет причинной связи. Если бы он завладел золотыми вещами тайно, то его действия квалифицировались бы как покушение на изнасилование и кража личного имущества.

В судебной практике встречаются случаи, когда виновный намеревался совершить разбой, но в процессе реализации замысла по завладению имуществом не применил насилия. Например, узнав, что на военном складе есть дорогое техническое оборудование, Т. В. Шанг и его соучастники решили применить к охраннику насилие, чтобы завладеть этим оборудовани-

ем. Проникнув на склад и увидев охранника спящим, преступники захватили оборудование и немедленно скрылись. Суд квалифицировал указанные действия как разбой⁵. Однако по уголовному законодательству СРВ виновный отвечает только за свои действия, а не за свои намерения. Поэтому в данном случае виновные должны были быть осуждены только за кражу (ст. 132 УК СРВ).

Отметим, что кража, так же как и разбой, совершается только с прямым умыслом, но отличается от последнего по содержанию. При краже виновный, стремясь завладеть чужим имуществом, не собирается применять насилие к потерпевшему. Наоборот, при разбое виновный планирует применить насилие с целью не допустить сопротивления жертвы и завладеть ее имуществом. При этом применяется насилие, которое может причинить вред здоровью или даже смерть потерпевшего.

Необходимо отличать кражу и грабеж от разбоя по моменту окончания преступления. Разбой считается оконченным уже с момента осуществления нападения на личность, независимо от того, была ли достигнута цель завладения чужим имуществом или нет. А кража и грабеж признаются оконченными с момента завладения чужим имуществом.

Таким образом, кража отличается от грабежа и разбоя по ряду признаков, относящихся к субъективной и объективной стороне преступления. Кража и грабеж посягают только на собственность, а разбой посягает не только на собственность, но и на личность человека. Кража и грабеж являются формами хищения социалистического или личного имущества без насилия. При краже и грабеже насилие, не опасное для жизни и здоровья, возможно лишь тогда, когда виновный применяет его, чтобы избежать задержания (п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «в» ч. 2 ст. 132, п. «б» ч. 2 ст. 154 и п. «б» ч. 2 ст. 155 УК СРВ). Разбой же является формой хищения чужого имущества, осуществляемого насильственным путем. При разбое существует причинная связь между применением насилия и завладением имуществом.

Правильное разграничение кражи, грабежа и разбоя возможно лишь при глубоком и всестороннем анализе всех обстоятельств совершенного преступления и, прежде всего, его субъективной и объективной сторон.

¹ См.: Архив народного суда г. Хошимина за 1986 г. Дело 82/HS-ST (на вьет. яз.).

² См.: Архив народного суда г. Ханоя за 1990 г. № 352/HS-ST (на вьет. яз.).

³ См.: Ким Ву Тхиен. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на социалистическое и личное имущество. Ханой, 1980. С. 87 (на вьет. яз.).

⁴ См.: Архив народного суда г. Ханоя за 1987 г. (на вьет. яз.).

⁵ См.: Архив народного суда г. Хошимина за 1984 г. Дело № 238/HS-ST (на вьет. яз.).

М. И. САВЧЕНКО

КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ (история и современность)

Мировой океан служит человечеству не только средством коммуникаций, но также является огромным источником пищевых ресурсов. С давних пор люди, используя самые примитивные орудия промысла, вели добычу морепродуктов. Очень продолжительное время рыболовство было прибрежным. И только в XIX в. с появлением траулеров с паровыми двигателями и совершенствованием техники рыболовства районы промысла все больше удалялись в сторону открытого моря. Тогда и начал утверждаться принцип свободы рыболовства в открытом море.

Принцип свободы рыболовства в открытом море давал возможность всем без исключения (прибрежным, внутриконтинентальным, развитым и слабо-развитым) государствам на равноправной основе вести добычу рыбы и других объектов промысла за пределами территориальных вод прибрежных государств.

К 70-м гг. XX в. ежегодная мировая добыча рыбы и других морепродуктов приблизилась к 10 млн. т, 90 % ее осуществлялась в прибрежных водах Мирового океана рыболовными судами развитых стран. Такое положение не могло не тревожить слабо-развитые прибрежные государства, не обладающие морскими рыболовными судами, поэтому они подняли вопрос об отказе от принципа свободы рыболовства в открытом море.

Однако к тому времени уже всему мировому сообществу стало ясно, что